

ВВЕДЕНИЕ

Русский вектор европейской истории

Эта книга представляет собой русский взгляд на историю европейской цивилизации **как на наши собственные цивилизацию и историю**. И на нас самих, как безусловных и ключевых участников этой истории — как в западном, так и в восточном её развитии, — во многом определивших европейскую судьбу и ответственных за это.

Мы понимаем европейскую цивилизацию широко — как подъём к высокой культуре и мировому влиянию народов и государств в *Европейском Междуморье*, образованном сушей, окружающей *настоящие моря*, а не условные прибрежные акватории Мирового океана. Все такие моря на планете сосредоточены именно в указанном регионе.

Мы являемся Восточной ветвью европейской цивилизации Междуморья, полностью сформировавшейся на пространстве, практически совпадающем с Россией в её прошлых, настоящих и будущих границах. Западная же ветвь европейской цивилизации, имевшая общие с нами корни, шла путями, всё более расходящимися с нашим, — и сегодня рвётся последняя связь между нами, **оконча-**

тельно утрачивается то общее в понимании человека, с которого и начиналась европейская цивилизация как таковая. Это результат цивилизационного кризиса Запада, признанного западной мыслью уже в начале XX века, очевидным его проявлением стала непрекращающаяся Мировая Война, в ходе которой мы видим стремительное нарастание массовых настроений, не оставляющих нам, русским, права на существование.

Главной причиной этого кризиса стало глобальное распространение капитализма, ставшего модернизацией и переоформлением рабовладельческого строя для нужд промышленного производства в условиях господства научного знания. Новые рабы — рабочие и население колоний (в том числе любые крестьяне) — были полностью подчинены господству *наций* — общественных субъектов, объединяющих «избранных богом». Этот «бог» больше не был Богом, переопределённый протестантскими, а потом и человекобожескими ересями, захватившими духовную сферу Запада и отобравшими её у Папы Римского. Никто не говорил о «Свободе» больше, чем Запад, построивший новое и куда более бесчеловечное рабство — где человек поработён человеком не напрямую, а посредством экономического порядка, при котором рабы содержат себя сами и вынуждены искать хозяина. Низвергнутое буржуазными революциями государство — единственный социальный институт защиты человека, — тоже было превращено в машину, а его обезчеловеченность, бездушность провозглашена гарантией «Равенства». Такой строй сделал возможным и нужным механизированное, «индустриальное» уничтожение десятков миллионов людей. Что и произошло

в ходе мировых войн — да и не только. Господство наций не должно было иметь пределов — и национализм, как ведущая идеология национальных¹ государств Запада, дошёл до своего логического предела — нацизма. Тот же объединил всю Европу и пошёл в крестовый поход на русские земли. Он говорил о необходимых рабах уже без каких-либо оговорок и маскировок вроде «Свободы» и «Равенства». США пользовались рабством открыто до второй половины XIX века, а в замаскированной форме — пользуются по сей день, что составляет суть расизма как ведущей политэкономии американского общества.

Именно мы, Восточная Ветвь цивилизации Междуморья, взяли на себя тяжесть исторической работы по преодолению нового рабства, по созданию порядка, не допускающего рабского положения человека, пусть даже в изошрённой и замаскированной форме. Мы преодолели буржуазную революцию как господство анархии. Мы возродили почти утраченное Западом государство как институт защиты человека, мы построили реальный социализм, который в результате неизбежной социальной конкуренции вынуждена была строить и Западная Европа — тем самым породив сам феномен «счастливой Европы» и «европейских ценностей», ведь европейский социализм был на порядок обеспеченнее ресурсами.

Нас упрекали — даже наши собственные социальные мыслители — в том, что советский социализм имеет много общего с феодализмом. Что обещанный коммунизм — утопия, а значит, как политическое обещание, является

¹ А именно такими стали капиталистические государства, возникшие в результате буржуазных революций.

обманом. Но удивительным образом история СССР как раз опровергла гитлеровские обвинения в том, что именно социализма большевики не построят и строить не будут, а станут продолжать коммунистические эксперименты, в действительности закончившиеся вместе с военным коммунизмом к 1920-му. Подлинная программа большевиков заключалась в массовом подъёме всего народа к культуре и городской цивилизации, что было сделано и стало основой советского государства. Да, в масштабном историческом смысле социализм есть модернизация феодализма как строя. Строя, представления о котором радикально искажены исторической идеологией и историографией капитализма. Западная схема истории представляет так называемые Средние века эпохой мракобесия и всяческого угнетения. Неудивительно — ведь капитал утверждался, разрушая феодальное государство. Однако именно этот «проклятый» период создал представление о государственной морали, о чести и этическом кодексе служения, о личной ответственности Государя. Что получило фундаментальное развитие в русской государственной этике, которая с момента создания русского государства (свободного от территориальной раздробленности, характерной для Запада) сразу была имперской: обосновывала служение Государю и России, а не местному феодалу.

Мы наивно полагали, что пути нашего социализма и социализма Западной Европы исторически сойдутся к общности, которая позволит установить мир на нашем континенте, создать единую систему безопасности, а значит — и общие ресурсы хозяйственного развития, построить «Европу от Лиссабона до Владивостока».

Мы не учли роли США, которых такое историческое будущее совершенно не устраивало. Не говоря уже о том, что в США не возникло никаких элементов социализма: страна продолжала идти по пути капиталистического рабовладения и получила гигантский ресурсный допинг, переложив на плечи союзников затраты на своё дистанционное участие во Второй мировой войне.

Мы многое сделали для сохранения отношений с Западом. Мы предложили ему не теоретический, договорный, а практический мир, добровольно, по собственной инициативе и в одностороннем порядке пересмотрев в пользу Запада устройство мира и Европы, оформлявшее результаты нашей Победы над германским нацизмом в 1945 году. Но русская добрая воля была принята за признание поражения, и Запад взял курс на окончательную ликвидацию России.

Запад не принял нашего решения его собственной проблемы и вернулся — под руководством США — на путь создания нового рабовладения. Делается всё, чтобы окончательно превратить человека в изготавливаемую машинами вещь, лишив его даже природной половой принадлежности. Человек не должен знать, что он раб. Или должен согласиться быть рабом, поскольку сам сможет иметь рабов. Мы не примем такого порядка. И, видимо, в этой точке рвётся наша последняя связь с Западной Ветвью — общая Надежда на сохранение Человека.

Сегодня рассеиваются последние русские иллюзии в отношении Запада, его способности хоть к какому-то партнёрству и обмену. Европейские цивилизационные начала, необходимые нам и входящие в нашу сущность,

мы теперь должны и можем воспроизводить, полагаясь исключительно на самих себя, на собственную судьбу. Запад отошёл настолько далеко от тех общих корней, которые позволяли поддерживать наше цивилизационное общение, что оно становится невозможным. Нам нужно ясно осознать европейскую составляющую своей идентичности как русскую, обладающую собственной историей и принадлежащую русской цивилизации в силу её происхождения и развития.

Последнее, что мы можем дать Западу, — это сохранение его наследия, от которого он так решительно отказывается. Мы сохраним память о нём в своей культуре.

Так закончится наше многосотлетнее *сродство*, бесспорность которого подтверждается тем, в каком значительном объёме Запад усваивал русскую культуру как свою собственную, как он узнавал в нас самого себя — совсем не так рассматривались Западом Индия, Китай, Япония — социумы по-настоящему внешние и чуждые ему. В этом состояла возможность нашего взаимопонимания — ныне постепенно утрачиваемая, тут же кроются и причины страха перед нами, и способы внутреннего воздействия на нас — через общие смыслы и связи.

Время Обмана

Западному обывателю было приятно считать «русский вопрос» уже решённым. Нет русских, нет больше никакой России. Наконец-то... Ликвидация северного монстра (нас с вами) из стратегической задачи политиков превратилась — как казалось в 1990-е и 2000-е

годы, в тактическую цель западного бизнеса. Политики почивали на лаврах. Мюнхенскую речь Владимира Путина в 2007 году они не расслышали. Слов не разобрали. То, что Россия не только сохранится, но и восстановит свой суверенитет, что её не устраивает господство над миром одного гегемона, показалось западным политикам смешным.

Предполагалось, что, как в 1985–1991 годах, мы всё сделаем сами, своими руками. Сами доразворуем, отдадим, полностью и окончательно сдадимся на милость победителя. Далее на пространстве бывшей России воцарился бы хаос из десятков карликовых «демократий», который должен был стать источником пропитания для пусть и уставших, но «цивилизованных» западных стран, а также жерновами для перемальвания органической составляющей России — многоэтнической имперской общности русской цивилизации, то есть собственно русского народа как семьи народов, говорящих на русском языке и желающих жить вместе.

Этого должно было бы хватить, чтобы занять Западную Европу освоением наших останков на ближайшие двадцать лет. Ведь США нужно что-то дать континентальному Западу взамен на превращение его в собственную колонию. У рабов должны быть собственные рабы — таков американский проект дальнейшей модернизации рабовладения. Это не должно было допустить объединения Старого Света в целом и перезапуска материнской цивилизации. Этот проект давно перекочевал из высоких кабинетов и тайного закулисья в контекст и подразумеваемое содержание общенародного западного «демократического» дискурса, стал общим местом.

Таков общий знаменатель всех западных избирательных программ, главное политическое обещание США XXI века: с русскими покончено, они уже не поднимутся.

Так ли это? Ответ на этот вопрос зависит от нас, от нашего исторического самоопределения. В 1990-е годы — и несколько позже — мы точно колебались по-гамлетовски: быть или не быть? Но ответ был дан. Быть. И тут наша судьба расходится с судьбой Гамлета, с западной судьбой.

То, что для западного обывателя — поощряемое гегемоном заблуждение, для нас прежде всего обман и самообман. Обманывают, когда не могут взять силой. И когда клиент «сам обманываться рад» — что будет «дружба», что мы будем «как все», что будет «изобилие». Что всё, что мы до этого вполне обоснованно считали правдой, — якобы неправда. И наоборот. Что у нас будет всё, и ничего нам за это не будет. И делать ничего не придётся — только поверить. Что можно расслабиться наконец.

В СССР ложь Запада, адресованная нам (и, разумеется, самому себе), была предметом разбора для многочисленных государственных учреждений, назначенных разоблачать «буржуазную фальсификацию истории». И они свою работу худо-бедно делали. Однако что для учёного аргумент, для обывателя — ничто.

Но дело не только в уровне грамотности. Мы были самой образованной, в том числе и политически, страной в мире. Однако наш собственный красный царь, Государь — Генеральный секретарь ЦК КПСС, а позже первый и последний президент СССР — в ложь не только поверил, но и, по Владимиру Высоцкому, «безжалостно усилил» её, довёл до предельно простых и общих, по-

нятных формулировок, сделал предметом всеобщего соблазна, сомнения и обсуждения. Вот тут и выяснилось, что остановить его некому и нечему. Официальная «наука» ничего не смогла противопоставить этой лжи. Да и что может сказать давно уже не наука, не философия, а «экспертиза», как её теперь называют, сервис, выполняющий заказ? И в «андеграунде» мыслителей не оказалось. Все самозабвенно бросились работать на «перестройку» и «демократизацию», а потом — на «рынок», «собственность», «экономику»...

Обман, как известно, наиболее эффективен и побеждает там, где у обманутого в принципе не было и не могло быть своего понимания, знания. Что и случилось с нами.

Знание своей Судьбы

Что должно запустить наш иммунитет против лжи? Что мы должны понимать, чтобы выстоять сейчас и в будущем? Прежде всего, необходимо знание о самих себе, о своей судьбе, своём историческом пути. Кто потерял себя, потеряет всё — и свою страну в первую очередь. Будет утрачена логика жизни, её целостный образ, её «гештальт». А с ней и достоинство, самоуважение — чувства, которые мы переживаем, когда идём по начертанному пути, *когда знаем, что должны*, — чувства, которых нам сегодня очень не хватает.

Картина мира, в которой мы могли бы увидеть себя и свой путь, была разрушена. Представление о том, что мы живем в какой-то никогда не существовавшей «но-

вой России», есть, по сути, отказ от судьбы как таковой, а следовательно, и от своей человечности. За словами о «новой России» не было никакой определённости, а значит, не могло быть вектора воли, энергии исторического действия.

В прошедшем столетии мы дважды испытывали на собственной шкуре, что такое разрыв преемственности — и живой исторической памяти, и исторического знания, и понимания смысла истории, — в 1917–1921 годах и 1985–1991 годах. Так что мы рискуем и не вспомнить, кто же мы такие и откуда. Этого нельзя допустить. Это и есть реальная гибель. Мы обязаны опомниться, сшить разорванную ткань нашей исторической судьбы.

Сама постановка вопроса о собственном пути России наталкивается на яростное сопротивление всех её внешних и внутренних врагов. Решительно отрицается необходимость творческого, проектного отношения к человеческой жизни. Отрицается, что жизнь каждого может и должна иметь свой замысел, своё назначение, свой план. В последнее тридцатилетие мы непрерывно слышим призывы: «Давайте, наконец, просто жить!», «Жить можно и нужно тихими радостями!», «Хватит мучить себя великими целями!» и т. п.

Ничто не ново под луной... Ещё в позапрошлом веке А. П. Чехов в письме Суворину (от 3 декабря 1892 года) писал по поводу идеологии «жить для жизни»: «Это философия отчаяния. Кто искренне думает, что высшие и отдалённые цели человеку нужны так же мало, как корове, что в этих целях “вся наша беда”, тому остаётся кушать, пить, спать или, когда это надоест, разбежаться и хватить лбом об угол сундука».